

УДК 94(47)''10/11'':34(045)

*Ю.Н. Кежа***СПОЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВА ПРАВИТЕЛЕЙ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ¹**

В статье рассматриваются случаи разорения дворов и имущества древнерусских князей, а также их приближённых в период XI–XII вв. Анализируются причины и обстоятельства сполитования правителей. Мотивы разграблений были разными и зависели от конкретных обстоятельств. В одном случае, ограбления осуществляются в «промежуточное время», когда после смерти князя в городе отсутствовал представитель княжеского рода. Расхищение дворов элит становится возможным в силу исчезновения, пусть и временного, института княжеской власти – что приводит к нарушению общественного порядка и распаду социума, когда привычные нормы поведения обесцениваются. Во втором случае, сполитование осуществляется при новом правителе, занявшем княжеский стол. Коллективные расправы требуют определённой легитимации со стороны княжеской власти, что позволяет говорить об аналогиях с раннесредневековой формой наказания известной как «поток и разграбление».

Ключевые слова: домонгольская Русь, княжеская власть, князья-Рюриковичи, смерть правителя, городские собрания, расхищение имущества.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-568-580

В социальной структуре средневекового общества фигура правителя играла одну из ключевых ролей. При его отсутствии привычное функционирование социума было невозможно, поскольку личность государя (короля, князя, конунга) обеспечивала защиту населения от внешней агрессии, являлась охранителем внутреннего порядка, а в ряде архаических средневековых обществ выступала гарантом достатка и общественного благополучия [8, с. 62–70]. Без фигуры властителя нормальное функционирование общества и его потенциальное развитие было невозможным.

Учитывая ключевой характер королевской/княжеской власти в Средневековой Европе, привлекают к себе внимание зафиксированные в письменных источниках беспорядки и грабежи, которые наступают в период общественных потрясений и кризисов, в том числе, и после смерти государя. Наше внимание будет обращено на подобные случаи в летописной истории домонгольской Руси. Основной нашей задачей будет подробное рассмотрение случаев грабежей и погромов резиденций древнерусских князей и их приближённых, а также действий, которые следовали за данными грабежами.

Используемый в названии статьи термин «сполитование» (лат. *spolii, spoliatio*) в латинских источниках средневековья употреблялся для обозначения различных форм грабежа. Данное обозначение представляет собой комплекс явлений, среди которых наиболее известные случаи связаны с ограблением тела *покойного* правителя и (или) расхищением его имущества [4, с. 40]. Помимо анализа случаев грабежа мертвого властителя, термин «сполитование» будет применён нами и к казусам разорения княжеского имущества живых князей и их приближённых. На наш взгляд, данный подход является оправданным, поскольку этимологическое значение латинского термина «*spolii*», как и современного английского слова «*spoliation*», обозначает такие понятия, как *расхищение имущества* или *грабеж* вне зависимости от физического состояния объекта грабительских действий.

Первоначальное обращение к проблематике сполитования умерших правителей было связано западноевропейским средневековьем, в частности, с посмертными ограблениями духовных носителей власти.

Впервые к данной теме в 1978 г. обратился немецкий историк Рейнхард Эльце в статье «*Sic transit gloria mundi*» («Так проходит мирская слава») [31]. Р. Эльце рассмотрел многочисленные события посмертного расхищения одежды и имущества умерших римских понтификов, объясняя это «правом» приближённого к Папе духовенства на выморочное имущество покойного, так называемого обычая «*jus spolii*» [31, с. 1–16]. В 1994 г. итальянский историк папства Агостино Паравичини Бальяни в книге «*Corpo del Papa*» («Тело Папы») также, как и Р. Эльце, связывал расхищения имущества римских епископов с правом сполитования. Непосредственную причину ограбления имущества по-

¹ Работа подготовлена в рамках проекта БРФФИ «Политическая коммуникация на территории Восточной Европы (конец X–XIII в.)», договор № Г23ИП-005.

койного Папы исследователь усматривал в тесных связях приближённой курии с личностью понтифика и отсутствием профессионального чиновничества. Теологический смысл ограблений историк соотносил с идеей о превращении мёртвого Папы в обычного смертного человека, уступающего своё место новому понтифику, который становится викарием Христовым и на время своего понтификата получал надчеловеческий статус [32, с. 167–184].

Поскольку наиболее частые упоминания ограбления правителей в средневековых текстах были связаны с римскими понтификами и влиятельными епископами, особое внимание было уделено именно церковным государям. При этом гораздо меньше внимания было посвящено осмыслению сполирования светских носителей власти, информация о которых в источниках также встречается довольно часто.

В русскоязычной медиевистике впервые к проблеме разграбления резиденции умерших правителей обратился М.А. Бойцов в статье 2002 г. В исследовании приведены многочисленные случаи погромов и грабежей в средневековой Европе с V по XVI в. Статья автора была призвана привлечь внимание к забытой проблеме, однако новых объяснений не предлагала. Учёным, вслед за Р. Эльце, была предложена интерпретация феноменов посмертных грабежей как проявление «*jus spoli*» [1].

Откликом на работу М. А. Бойцова стала статья 2003 г. А. Я. Гуревича в альманахе «Одиссей: Человек в истории». Учёный предлагал связывать ограбление умерших представителей власти, а также сопровождающие их беспорядки и грабежи с особым восприятием времени «средневековым человеком». Время в средневековой Европе было непосредственно связано с личностью государя, т. е. было «антропоморфным». Смерть монарха, согласно А. Я. Гуревичу, вызывала у населения эсхатологические ожидания и, как следствие, порождала беспорядки, погромы и, в некоторых случаях, убийства [7, с. 228–239].

В этом же номере «Одиссея» был опубликован ответ М. А. Бойцова. Историк не усматривал в ограблении имущества умерших государей скорых эсхатологических ожиданий и не связывал смерть монарха с прекращением течения времени. Приводя примеры из папского Рима XVI–XVII вв., историк объяснял случаи сполирования скорее прагматическим расчётом, нежели отождествлял их с иррациональными действиями толпы, подогреваемой ожиданием скорого конца времён. Смысл беспорядков и погромов М. А. Бойцов связывал с распадом политического сообщества, которое происходило сразу после смерти правителя. Поскольку после кончины государя требовалось определённое время на приобретение властных прав его преемником, формировался т. наз. «вакуум власти», когда прежние социальные нормы и законы переставали действовать. С новым властителем приходит понимание «нового государства» и нового политического порядка, построенного на отношениях населения с новоявленным монархом [2, с. 246].

На казусы посмертных разграблений княжеских резиденций в Древней Руси впервые было обращено внимание М. А. Бойцовым в отдельной монографии. Исследователь подробно рассматривает события 1174 г. – жестокое убийство владимирского князя Андрея Юрьевича Боголюбского, расхищение его имущества, глумление над телом правителя и ограбление его резиденции в Боголюбове. Историк так же, как и в предыдущих публикациях, связывает данные проявления насилия и разбоя с временным распадом политического сообщества, ключевым звеном которого выступал владимирский князь: «Всякая «государственность» мгновенно распадается вместе с кончиной одного-единственного человека, и общество оказывается ввергнутым в гобсовское «естественное состояние» – по крайней мере дня на три» (именно столько длились беспорядки после убийства Андрея Боголюбского) [3, с. 310–311]. В подобном контексте М. А. Бойцов рассматривает и события 1157 г. в Киве, наступившие после смерти Юрия Долгорукого [3, с. 311].

Спустя несколько лет, гипотеза А. Я. Гуревича о нарушении темпоральной стороны существования средневекового социума, а также выводы М.А. Бойцова о «вакууме власти» и временном распаде политической системы были объединены в работе киевского исследователя Древней Руси В. М. Рычки. С одной стороны, смерть носителя сакральной и политической власти, согласно автору, воспринималась как «катастрофический разрыв потока времени и его остановка» [23, с. 159]. С другой стороны, ссылаясь на М.А. Бойцова, исследователь делает вывод, что при жизни правителя поддерживалось равновесие и благополучие социума. После его смерти наступал период хаоса и безвластия, когда не соблюдаются законы, общественный порядок и элементарные общественные устои [23, с. 162].

Итак, среди основных работ, посвящённых случаям ограбления имущества умерших правителей, главные положения сводятся к двум тезисам: 1.) Смерть (или прекращение правления) государя

отождествляется с окончанием определённого промежутка времени и наступлением общественного хаоса и анархии. Данные события в представлении средневекового населения связывались с эсхатологическими ожиданиями скорого конца земной истории; 2.) Смерть правителя никак не связывалась со средневековым восприятием времени. Кончина монарха свидетельствовала об отсутствии верховной власти как таковой, что вызвало временный распад политического организма и приводила к беспорядкам.

Казусы расхищения и погромов имущества *умерших* князей в истории домонгольской Руси единичны. Для составления общей картины причин и обстоятельств сполитования княжеских дворов, на наш взгляд, стоит обратить внимание на все случаи разорения княжеского имущества – выявить конкретные обстоятельства и возможные основания для подобных действий.

При обращении к описаниям беспорядков и грабежей в Древней Руси (преимущественно в Новгороде), дореволюционные историки права рассматривали вечевые выступления и погромы в связи с юридической нормой, предусматривающей лишение преступника (далеко не всегда князя) правовой субъективности, высылкой виновного за пределы политической общности и уничтожения его имущества [5, с. 387–389; 24, с. 394]. В советское время летописные эпизоды вечевых расправ интерпретировались как проявление классовой борьбы – «народные восстания антифеодалного характера» [25, с. 240–241]. Отдельное положение среди советских историков занимали выводы И. Я. Фроянова. Исследователь видел в народных выступлениях архаические проявления перераспределения частных богатств, характерных для обществ с незавершённым классовым образованием, к каковым, по мнению историка, относилась домонгольская Русь [27, с. 221]. Польский историк А. Поппэ делал акцент на политическом характере городских расправ, рассматривая их как средства «политических репрессий», применявшихся княжеской властью в своих интересах [33, с. 251–252]. Современный российский историк П. В. Лукин обращает внимание на значительное влияние древнерусских князей на практики грабежей и погромов. Соглашаясь, что в данных практиках сохраняются некоторые архаические черты, исследователь не усматривает институциональной преемственности между догосударственными вечевыми расправами и грабежами княжеских дворов в Древней Руси XI–XIII вв. [14, с. 146–147].

Впервые информация о разорении княжеского двора в Киеве упоминается в Повести временных лет (далее – ПВЛ) под 1068 г. и связана с лишением киевского княжения Изяслава Ярославича. Непосредственным триггером беспорядков стало поражение трёх братьев-Ярославичей от половцев на р. Альте. Вернувшись в Киев, Изяслав отверг требования киевлян о предоставлении коней и оружия для дальнейшей борьбы со степняками, что вызвало недовольство и мятеж горожан [20, стб. 167–171]. При данных обстоятельствах, в Киеве в заключении находился полоцкий князь Всеслав Брючиславич – политический противник Изяслава, который вследствие нарушения клятвы крестоцелования со стороны Ярославичей был лишен свободы и заключён в киевский поруб. Видя недовольство населения и поддержку киевлянами Всеслава, Изяслав вместе с братом Всеволодом покидает город. Дальнейшее изложение событий ПВЛ связано с освобождением Всеслава из поруба и разграблением княжеского двора бежавшего Изяслава: «людьє же высѣкоша Всеслава ис поруба . въ . ёї . днѣ семтабра . и прославиша и средѣ двора кнѣжа . дворъ жь кнѣжъ разграбиша бещисленое . множество злата и сребра кунами и бѣлю» [20, стб. 171].

Последовательность действий киевлян в данном сообщении показывает, что разорение княжеской собственности – резиденции Изяслава – наступает после освобождения Всеслава и провозглашения его как нового киевского правителя («и прославиша и средѣ двора кнѣжа»). Прославление Всеслава на княжеском дворе, согласно К. С. Гвозденко, являлось частью обряда «княжеской интронизации» [6, с. 20–21], что может свидетельствовать об определённой степени легитимации и признании населением нового правителя. Показательно, что грабёж имущества Изяслава осуществляется при наличии князя (Всеслава) как носителя верховной власти и его непосредственного присутствия на месте грабежа – киевском княжеском дворе. Учитывая данные обстоятельства, действия киевлян не могут быть связаны с распадом политического сообщества и наступлением безвластия.

В причинах беспорядков 1068 г. следует усматривать невыполнение Изяславом своих непосредственных функций – защиты древнерусской территории от внешней угрозы, что и привело к лишению его княжеских полномочий. Военная функция правителя – быть гарантом защиты от внешних угроз, являлась составной частью образа князя в древнерусский период XI–XIII вв. [28, с. 26–27]. Спустя семь месяцев после бегства Изяслава из Киева, подобный случай фактической делегитимации

власти произошел уже с Всеславом, который под Белгородом ночью бежал с поля боя, чем обрѣк на поражение возглавляемое им киевское войско [20, стб. 173–174].

Возвращаясь к событиям сентября 1068 г., следует отметить, что изгнание Изяслава и разорение его резиденции привело к разрыву социальных связей между ним и сообществом киевлян. Однако после его возвращения в Киев в 1069 г. и применения репрессий к поддержавшим Всеслава горожанам, власть Изяслава была восстановлена. Изяслав вновь был легитимирован в глазах населения древнерусской столицы, о чём свидетельствует сообщение о его захоронении в 1078 г., когда встречать тело убитого князя вышел, согласно ПВЛ, «весь городъ Кыѣвъ», а сама церемония захоронения проходила в коллективной скорби и плаче всего населения города: «и не бѣ лзѣ слышати пѣнѣа во плачи . велицѣ [и] вопли . плака бо сѧ по немь весь градъ Киѣвъ» [20, стб. 202].

События в Киеве 1068 г. не могут быть связаны с каким бы то ни было нарушением политической целосности или наступлением социального безвремения. Изгнание Изяслава и ограбления княжеского двора стало своеобразным наказанием князя со стороны населения Киева за невыполнение им своих военных функций. При этом действия киевлян осуществлялись при наличии в городе княжеской власти в лице Всеслава и, если не были им санкционированы, то, во всяком случае, не находили препятствий с его стороны.

Следующие интересующие нас события происходили в 1113 г. в Киеве после смерти правившего там Святополка Изяславича. На следующий день после погребения киевского князя населением города были разграблены дворы приближённого Святополка – киевского тысяцкого Путаты и дома киевской еврейской общины: «Киѧни же разьграбиша дворъ Путатинъ . тысячького . идоша на Жиды . и разграбиша æ» [21, стб. 276]. Данные действия тракуются В. М. Рычкой как поступки, осуществляемые при отсутствии власти и наступлении периода хаоса и беззакония. Особое внимание исследователь обращает на погромы еврейского квартала, объясняя это расправой над представителями «чужого» коллектива, не включённого в городское сообщество [23, с. 164].

Ещё перед смертью Святополка в Ипатьевской летописи (далее – ИЛ) киевский книжник приводит описание солнечного затмения, которое, согласно летописцу, стало предвестником смерти киевского князя: «бысть знаменьє въ слнцѣ . проæвлаше Сѣополчю смѣрть» [21, стб. 275]. Сообщения древнерусских летописей о солнечных затмениях часто соотносятся с последующими известиями о смерти Рюриковичей [13, с. 45], что можно воспринимать как специфический взгляд древнерусского книжника на связь редких астрономических явлений с человеческой историей [10, с. 8]. Очевидно, что сообщение о солнечном затмении связано со смертью исключительно Святополка и, на наш взгляд, не может быть обусловлено эсхатологическими представлениями летописца. Данная информация не встраивается в причинно-следственную связь событий, предваряющих погромы, произошедшие после смерти князя.

Святополк умирает 16 апреля после празднования Пасхи (согласно ИЛ). В этот же день его тело из Вышгорода было перевезено в Киев и захоронено в возведённой им церкви св. Михаила. Его кончина не скрывалась, скорее, наоборот, жена Святополка, в связи со смертью супруга, начала раздавать княжеские сбережения городскому населению: «кнагини же . (жена) его . много раздили бѣатьство . монастыремь . и попомь и оубогымь . æко дивитисѧ всѣмь (людемь) члвкомь . æко такоæ млсти никтоже можеть створити» [21, стб. 275]. Несмотря на то, что известие о смерти князя распространилось среди киевлян в тот же день, погромов 16 апреля в Киеве летописцем зафиксировано не было.

С утра, 17 апреля, киевляне собираются на «совет», где принимается решение о приглашении на киевское княжение Владимира Всеволодовича Мономаха. После отказа (по всей видимости, притворного) Владимира занять киевский стол, начинаются погромы двора тысяцкого и проживавших в городе евреев [21, стб. 275]. Затем киевляне вновь посылают к Владимиру для повторного приглашения на киевское княжение, на этот раз угрожая разграбить дома Владимировой свояченицы, киевских бояр, а также разорить киевские монастыри. После «второго посольства» Владимир соглашается принять приглашение киевлян: «и послашасѧ паки Киѧне к Володимеру глущє . поиди кнаже Киеву . аще ли не поидеши . то вѣси æко много зло оуздвигнетсѧ . то ти не Путатинъ дворъ ни соцькихъ . но и Жиды грабити . и паки ти поидуть . на æтровь твою и на боæры . и на манастырѣ . и будеши ѡвѣтъ имѣль кнаже . вже ти манастырѣ разьграбать . се же слышавь Володимерь . поиде в Киѣвъ» [21, стб. 275–276].

Нет никаких оснований связывать киевские погромы 1113 г. с разрушением политической структуры древнерусского государства или коллективным ощущением окончания очередного временного отрезка истории. Основным субъектом коллективных действий в данных событиях выступает сообщество киевлян, которое устраивает погромы, руководствуясь чётко обозначенной прагматикой.

Прежде чем осуществить разорения, киевляне собираются на совет («свѣтъ створиша Киѧне»). Само слово «свѣтъ» в древнерусских летописях использовалось наряду с обозначениями «вече», «сънем», «дума», а также описательными конструкциями «здумаша рекуще», «собрашася вси» – что указывает на проведение городских собраний и проявления коллективной активности населения. Слово «свѣтъ», как и термин «вече» (упоминаемое в сообщении 1068 г.), использовалось окказионально, наряду с другими обозначениями коллективных действий горожан, что вполне характерно для Древней Руси с несформированными социально-политическими институтами и неразвитой политико-правовой терминологией [16, с. 80].

Дальнейшие действия киевлян скорее напоминают своеобразный политический перформанс, нежели символизируют о наступлении периода хаоса и безвластия. Представители городского сообщества отправляются к переяславскому князю Владимиру Мономаху с предложением занять киевский стол – «поиди княже на столъ штенъ . и дѣдень» [21, стб. 275]. Лишь после отказа Владимира начинаются погромы, которые ограничились двором тысяцкого и домами киевских евреев, по всей видимости, связанных со Святополком [29, с. 176–178; 11, с. 381]. Если данные погромы и были хаосом, то «хаосом» вполне управляемым, направленным на людей, которые были связаны с умершим князем. После второго приглашения и угроз расправ над приближёнными Владимира и, особенно, над киевскими монастырями, Мономах соглашается занять киевский стол.

Таким образом, в действиях киевлян и переяславского князя можно увидеть определённые паттерны поведения: приглашение на княжение – отказ занять великое киевское княжение – погромы как ответ на отказ – угрозы новых погромов – согласие занять киевский стол – торжественный въезд князя в город и занятие им княжеского стола.

Церемония княжеского въезда полностью соответствует основным элементам обряда княжеской интронизации, зафиксированного в летописях: встреча князя высшим духовенством и населением за пределами города «с честью великою», а также процедура занятия княжеского стола – «сѣдѣ на столѣ шѣа своего и дѣдѣ своихъ». Данная церемония утверждает статус князя как носителя власти, тем самым легитимируя правителя и возвращая общество в привычное состояние. Согласно летописцу, вокняжение Мономаха привело к прекращению беспорядков и восстановлению «социальной стабильности» в Киеве: «Начало княженьѧ Володимѣра сѧа Всеволожа . Володимеръ Мономахъ . сѣде Киевѣ в недѣлю . оусрѣтоша же и митрополитъ Никифоръ . съ епѣпы и со всеми Киѧне . с честью великою . сѣдѣ на столѣ шѣа своего и дѣдѣ своихъ . и вси людѣ ради быша . и матежь влеже» [21, стб. 276].

В 1136 г. из Новгорода был изгнан правивший там с 1117 г. Всеволод Мстиславич. Согласно Новгородской первой летописи старшего извода, перед изгнанием Всеволода новгородцы, призвав псковичей и ладожан, устроили совет, собираясь изгнать провинившегося князя: «Въ лѣто 6644. Индикта лѣта 14, новгородѣди призваша плъсковиче и ладожаны и сдумаша, яко изгонити князя своего Всѣволода» [18, с. 24]. Информацию о действиях представителей городских сообществ (новгородцев, псковичей и ладожан) для решения вопросов дальнейшего правления новгородского князя, по мнению большинства историков, необходимо рассматривать в контексте вечевых собраний [30, с. 105; 17, с. 154–157].

Среди основных обвинений, предъявляемых Всеволоду со стороны новгородцев, была военная трусость (годом ранее новгородское войско под командованием Всеволода потерпело сокрушительное поражение от суздальцев), желание княжить в Переяславле и отсутствие заботы о смердах. Князь вместе с семьёй был заключён под стражу. После полутора месяцев заключения Всеволод покинул город. Место новгородского князя занял его малолетний сын Владимир [18, с. 24]. Данные события вызывают интерес в контексте появления «политического вакуума», который мог образоваться в Новгороде и привести к ситуации разрушения привычных общественных устоев. Спустя четыре дня после изгнания Всеволода, в город вошёл Святослав Ольгович, который утвердился в качестве новгородского князя, что позволило избежать политического кризиса.

По сообщению Новгородской первой летописи младшего извода, после повторной попытки Всеволода вновь занять Новгород в 1138 г., в городе произошёл очередной мятеж, направленный против его сторонников: «мятежь бысть великъ в Новгородѣ: не въсхотѣша людѣ Всеволода; и

побѣгоша друзии къ Всеволоду Плескову, и взяша на розьграбление дома их, Костянтинъ, Нѣжатиный, инѣхъ много, и еще же ищуще то, кто Всеволоду приять боляръ, то имаша на них с полторѣ тысячѣ гривенъ, и даша купцѣ крутитися на воину; досягоша и не виноватыхъ» [18, с. 210]. Разорение домов людей, поддержавших Всеволода, произошло в результате недовольства большей части новгородцев возможному возвращению князя. Кроме того, на момент осуществления погромов новгородское княжение занимал Святослав Ольгович, признанный новгородцами в качестве законного правителя. Исходя из данных обстоятельств, новгородский «мятеж» при большом масштабе погромов («досягоша и не виноватыхъ») имел скорее социальный, нежели «ментальный» характер и, по всей видимости, происходил без препятствий со стороны Святослава Ольговича.

Разграбление дворов княжеских дружинников, расхищение имущества самих князей, а также разорение княжеских монастырей происходили в Киеве в 1146 г. Умирающий киевский князь Всеволод Ольгович незадолго до смерти хочет передать великое княжение своему брату Игорю. Для этого ещё при жизни Всеволода начинаются переговоры с представителями киевского городского сообщества. Результатом переговоров стала процедура крестоцелования киевлян к Всеволоду, символизирующая принятие горожанами Игоря как законного князя. Затем крест к Игорю целуют вышгородцы, признавая его в качестве приемника Всеволода. Аналогичный ритуал осуществляется представителем клана Мономашичей – Изяславом Мстиславичем, а также братьями Изяславом и Владимиром Давыдовичами [21, стб. 320–321].

После смерти Всеволода череду договоров с киевлянами заключает уже Игорь Ольгович с братом Святославом. Признание Игоря киевским князем со стороны киевлян осуществляется трижды. После третьей процедуры крестоцелования происходит разграбление двора Ратши – тиуна князя Всеволода, а также мечников покойного киевского князя. Беспорядки удалось успокоить только благодаря вмешательству Святослава: «вни же оустремишася . на Ратьшинъ дворъ грабить . и на мѣчники . и посла к ним Игорь брата своего Стѣслава съ дружиною . и шдва оутиши» [21, стб. 322].

Разгрому дворов Всеволодовой дружины предшествовал созыв киевлянами веча с участием Святослава Ольговича, где были предъявлены обвинения вышгородскому и киевскому тиунам: «и почаша Киѣне складывати виноу на тиоуна на Всеволожа . на Ратью и на другаго тивоуна Вышегородского . на Тоудора рекоуче Ратша ны погоуби Киѣвь . а Тоудоръ Вышегородъ» [21, стб. 321]. В ходе переговоров Святослава с киевлянами, вновь была достигнута договорённость о признании Игоря киевским князем, когда со стороны киевлян прозвучала фраза «братъ твои кнѣзь», как продолжение ранее употребляемой к Игорю словесной формулы «ты намъ князь» – речевого оборота, указывающего на договорной характер взаимодействия между населением и князем, свидетельствующего о признании князя-Рюриковича в качестве законного правителя [12, с. 106, 108].

В ходе переговоров, Святослав от имени Игоря обязался не применять насилия к киевлянам, при этом позволил последним применять наказание к Всеволодовым дружинникам: «Стѣславъ же речъ имъ . азъ цѣлоую крѣтъ за братомъ своимъ . ако не боудеть вы насильѣе никоторого же . а се вы и тивоунъ а по вашей воли» [21, стб. 322]. Следом за договорённостями со Святославом, сам Игорь целует крест к представителям киевского нобилитета. После начинаются погромы.

Разграбление двора киевского тиуна Ратши и мечников Всеволода происходит после осуществления договорённостей между киевлянами с одной стороны, Святославом и Игорем – с другой и, что наиболее примечательно, с согласия последних. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что сама процедура переговоров и принятия решений о погромах совершается на городском собрании – вече, что придаёт данным действиям легитимный характер.

Погромы дворов дружинников Всеволода по своим основным действиям напоминают «поток и разграбление» – вид наказания, когда в случае совершённых преступлений предусматривалось лишение виновного правовой субъективности, изгнание преступника и разорение его имущества [5, с. 387–389; 33, с. 251–252]. Наказание «поток и разграбление» упоминается в Пространной редакции Правды Русской (начало XII в.) и фигурирует в статьях за разбой, конокрадство, поджѣг гумна и двора [22, с. 104–105, 107, 113]. Схожие способы наказания были характерны для древних германцев, балтов, западных и южных славян и указывают на архаическое происхождение данной процедуры, когда политическое сообщество при арбитраже правителя (князя) лишает правонарушителя юридической субъективности и легитимирует применение к нему наказания в виде разорения его имущества и изгнания из социума [15, с. 206]. На древнерусском материале видно, что вечевые расправы требуют определённой «легализации» со стороны княжеской власти [14, с. 143]. В нашем случае, разорения

дворов тиунов и мечников Всеволода осуществлялись при согласии Игоря и Святослава Ольговичей и были прекращены после вмешательства Святослава, т. е., по сути, представляли из себя узаконенную юридическую процедуру, контролируруемую княжеской властью.

Спустя две недели после последнего договора между Игорем и киевлянами, князь-Ольгович был лишён киевского княжения. Перед этим киевляне, втайне от Игоря, пригласили на киевский стол его противника – Изяслава Мстиславича. Когда Мономахич подступил к стенам Киева, к нему выходит посольство горожан, которое произносит знакомую формулу «ты наш кнѣзь», тем самым признавая право на киевское княжение уже за Изяславом [21, стб. 323]. Изяслав выигрывает сражение с Игорем и торжественно вступает в город.

В ИЛ под 1146 г. описывается подробная церемония занятия Изяславом киевского стола: «с великою славою и чѣстью вѣхъа в Киевъ и выидоша противуо емоу множество народа . игоумени съ черноризьци . и попове всего города Киева в ризахъ . и приѣхъа къ сѣои Софѣи . и поклониса сѣои Бѣи и сѣде на столѣ дѣда своего и вѣа своего» [21, стб. 327]. Интронизация Изяслава подвела итог борьбы за обладание Киевом между Игорем Ольговичем и Изяславом Мстиславичем, узаконив право последнего на великое княжение.

После утверждения Изяслава в качестве киевского князя, были разорены дворы и сѣла Игоревой и Всеволодовой дружины: «и розьграбиша . Киѣне . съ Изяславомъ дружины Игоревы . и Всеволожъ . и сѣла и скоты . вша имѣнѣа много . в домехъ и в манастырехъ» [21, стб. 327п]. Согласно летописи, помимо домов и сѣл, разграблению подверглись родовые монастыри Всеволода. Поскольку строение и имущество ктиторовских храмов и монастырей считалось княжеской собственностью [26, с. 43–53], разорение монастырского имущества выглядело как своеобразное наказание киевлянами рода Ольговичей. Подтверждением этому является сообщение о разграблении в том же году Изяславом Мстиславичем и братьями Давыдовичами владений бежавшего из Киева Святослава Ольговича [21, стб. 333–334].

Таким образом, действия киевлян осуществлялись не только по инициативе городского сообщества, но и под влиянием действующего князя Изяслава Мстиславича, что следует рассматривать в контексте персонального противостояния князей-Рюриковичей в борьбе за власть и сферы влияния.

Спустя год, в ходе очередного недовольства киевлян, Игорь был убит горожанами: «и вѣиноудь тѣло его . наго вставиша и поверзъше оужемъ за ноги . оуворозиша . и вѣще живоу соущоу емоу ругающесѣ црѣскомо и сѣденому тѣлоу . и волокоша и съ Мьстиславла двора чересъ Бабинь торжекъ на кнѣжь дворъ и тоу прикончаша и . и тако скончаша и Игорѣа кнѣза снѣа Сѣлгова» [21, стб. 352–353]. Обстоятельства убийства Игоря, а именно лишение его одежды и глумление над телом князя, будут нас интересовать в дальнейшем, при рассмотрении обстоятельств убийства и ограбления Андрея Боголюбского в 1174 г.

Использование методов погрома и грабежа как своеобразной формы наказания отражено в событиях из истории Полоцкой земли 1158 г. В этом году подвергся разграблению двор друцкого князя Глеба Ростиславича, а его отец Ростислав Глебович был изгнан из Полоцка. На полоцкое княжение был приглашён двоюродный брат Ростислава – Рогволод Борисович [21, стб. 493–496].

Данным событиям предшествовал конфликт семилетней давности. В 1151 г. полочане пригласили менского князя Ростислава Глебовича, лишив Рогволода полоцкого княжения. В 1158 г., благодаря поддержке черниговского князя Святослава Ольговича, Рогволод занимает Слуцк. После отправки посольства в Друцк, местное население приглашает Рогволода занять город: «Дрючане же ради . быша ему и приѣздаче к нему вабахут и к собѣ . рекуче поѣди кнѣже не страпаи ради есме тобѣ . аче ны са и дѣтьми бити за та . а радъ са бьемъ за та . и выѣхаша противу ему боле . тѣ . лодии . Дрючань и Полчань и вниде в городъ с чѣстью великою . и ради быша ему людие» [21, стб. 493]. Рогволод торжественно входит в Друцк и признаётся населением в качестве легитимного правителя. Затем, согласно ИЛ, происходит изгнание Глеба из города и разграбление его двора. Князь находит убежище у своего отца, что спровоцировало мятеж уже в Полоцке: «а Глѣба Ростиславича выгнаша . и дворъ его разграбиша . горожане . и дружину его . и приде же Глѣбъ къ вѣицю и матежь быс великъ в городъ въ Полчахъ мнози бо хотаху Рогъволода» [21, стб. 493–494].

Разорение двора Глеба Ростиславича происходит после установления власти в Друцке Рогволода Борисовича. В этой связи действия дручан можно характеризовать как поступки, обусловленные определённой правовой легитимностью – неугодный князь лишается княжеского стола, а его двор подвергается разграблению. Лишение бывшего князя имущества, как и в предыдущих летописных

статьях 1068 и 1146 гг., осуществляется с одобрения правившего в городе князя, что придёт ещё большую легитимность подобному рода действиям.

Политическая роль полочан в межкняжеском конфликте между Рогволодом и Ростиславом привела к изгнанию из города последнего. В июле 1158 г., несмотря на соглашения между князем и полочанами, Ростислав покидает город и на полоцкий стол при общем одобрении населения садится Рогволод Борисович. Принятие решения о лишении Ростислава власти происходит на вече, где после городского собрания к дружине князя применяется насилие («дружину ти избивают»). Сам князь уходит в Минск, опустошая пригороды Полоцка [21, стб. 495–496].

Изгнание Ростислава свидетельствует о разрыве социальных связей – договора (ряда), скреплённого крестоцелованием между князем и горожанами. Новые договорные отношения устанавливаются уже с Рогволодом. Все действия полочан в 1158 г. подразумевали под собой определённую правовую основу с их стороны. Как отмечает П. В. Лукин, стремление к определённому рода легитимности наблюдается даже в «покаянии» полочан перед Рогволодом в ходе переговоров о занятии им полоцкого стола. Горожане Полоцка вспоминают, что в 1151 г. он подвергся изгнанию и лишению имущества «без вины»: «во-первых, акция полочан, с их точки зрения, нуждалась, пусть и в формальном, но правовом обосновании (необходимо было предъявление князю «вины»), а, во-вторых, у них не вызывало сомнения, что они обладали именно *правом* (выделено П. В. Лукиным) подвергать князя наказанию за «вину» [14, с. 143].

Последние интересующие нас случаи сполирования связаны с посмертным ограблением отца и сына: киевского князя Юрия Владимировича (1157) и владимирского правителя Андрея Юрьевича Боголюбского (1174).

15 мая 1157 г. умирает Юрий Долгорукий. Киевляне отправляют посольство к черниговскому князю Изяславу Давыдовичу с предложением занять великокняжеский стол: «рекуче поѣди кнѣже Киеву. Гюрги ти оумерлъ» [21, стб. 489]. После смерти Юрия были разорены два двора киевского князя, а также двор его сына. Беспорядки сопровождалась насилием и грабежами по отношению к суздальцам, находящимся в тот момент в Киеве: «и много зла створиса въ тѣ днѣ розграбиша дворъ его красныи и другыи дворъ его за Днѣпромъ . разъграбиша . его же звашеть самъ Раемъ . и Василковъ дворъ . сна его разграбиша в городѣ . избивахуть Суждалци . по городомъ и по селомъ . а товаръ ихъ грабаче» [21, стб. 489]. В соответствии с текстом ИЛ, приглашённый Изяслав Давыдович вошёл в Киев в день похорон Юрия и разорения его дворов – четверг, 15 мая: «Изяславъ же Двѣдичъ . вниде в Киевъ мѣца мае въ ёй в недѣлантикоствую» [21, стб. 489].

Юрий умер в ночь со среды на четверг. После того, как тело князя утром было захоронено в церкви св. Спаса в Берестове, в Киеве начались беспорядки. Несмотря на их большой размах, продолжались они не долго, поскольку в этот же день, согласно ИЛ, Изяслав занял киевский стол. Следуя последовательности и логике повествования, киевляне знали, что город в ближайшее время займёт черниговский князь. Тем не менее, несколько часов безвластия были использованы для грабежей и насилия.

В разорениях, наступивших после смерти Юрия Владимировича, жертвами погромщиков оказываются люди, не включенные в местное городское сообщество, а именно, находящиеся в городе суздальцы – сторонники Юрия. По всей видимости, логика разорений представителей «чужих» коллективов заключалась в лишении этих групп личного покровительства князя, смерть которого ставило их положение вне существовавших ранее правовых норм [3, с. 310].

Непродолжительные действия киевлян после смерти Юрия Долгорукого, с определённой долей условности, могут свидетельствовать о наступлении «вакуума власти», когда временное отсутствие представителей княжеского рода вызывало деструктивные действия со стороны населения. При этом общий контекст событий – приглашение на княжение Изяслава Давыдовича и наступившие после этого грабежи и погромы – не могут свидетельствовать о наступлении временного hiatus, согласно общим положениям А. Я. Гуревича и частным выводам по событиям 1157 г. В.М. Рычки [23, с. 164–165]. Представители города ещё перед погромами позаботились о преемственности власти и ощущение «вывиха времени» у них, по-видимому, полностью отсутствовало.

В 1174 г., в результате заговора приближённых «милостников», в своей резиденции Боголюбово был убит владимирский князь Андрей Юрьевич. События убийства князя подробно описаны в «Повести об убиении Андрея Боголюбского», сохранившейся в двух редакциях: краткой в составе Лаврентьевской летописи и пространной в составе ИЛ. Несмотря на то, что подробная информация, содержащаяся

ся в ИЛ, содержит множество компиляций и заимствований [9, с. 3–5, 12], мы будем опираться именно на Киевский свод, так как нас, в данном случае, интересует не столько восстановление реальных событий, сколько представления летописца о поведении горожан после убийства князя. Автору (авторам) «Повести» и его читателям сюжет должен был казаться правдоподобным – соответствовать возможным обстоятельствам смерти Андрея Боголюбского и наступившим вслед за ней беспорядкам.

Владимирский князь был убит в ночь с 28 на 29 июня. После убийства заговорщики преступили к грабежу княжеского дворца: «и ѿтуда идоша на сѣни и выимаша золото и каменеъ дорогое . и жемчюгъ . и всако оузорочье . и до всего любимаго имѣниа . и вскладъше на млѣтныѣ конѣ . послаша до свѣта . прочь» [21, стб. 289]. Обнажённый труп князя был вынесен за пределы резиденции – «в огородъ». Один из убийц, Амбал, грозился отдать тело псам, однако, по просьбе некоего Кузмища Киянина, нагота князя была скрыта княжеским одеянием и покрыта ковром. Тело Андрея было перенесено в дворовую церковь, при этом сам храм отворён не был, и тело князя осталось лежать в притворе (как указывает летописец, храмовые служители «пѣани блхуть»). Так, Андрей Боголюбский оставался не отпетым и не погребённым в течение двух дней. На третий день тело Андрея было положено в каменный саркофаг, а «игумен» Арсений провёл отпевание князя.

Обращает на себя внимание отношение убийц к телу покойного правителя: «и почаша прошати Кузмище кдѣсть оубить гснѣ . и рекоша лежить ти выволочень в огородъ . но не мози имати его . тако ти молвать вси хочемъ и въверечи псомъ . вже са кто приметъ . по нь тотъ нашъ есть . ворожьбитъ есть а и того оубьемъ» [21, стб. 590]. Обнажение тела Андрея Боголюбского после его убийства перекликается с информацией об убиении Игоря Ольговича в 1147 г., когда тело князя-инока также было лишено одеяния и подвержено издевательствам. Похожие случаи «посмертного обнажения» светского государя в средневековой Европе указывали на лишение правителя идентичности и власти. Обнажение мёртвого правителя, таким образом, было призвано десакрализовать и анонимизировать его образ, лишить князя его статуса и сана [3, с. 307–308].

В период после смерти Андрея и до его погребения в Успенском соборе Владимира на Клязьме, жители Боголюбова разграбили «домъ княжь», растащив всё ценное имущество. Грабежи, погромы и убийства распространились по всей территории Владимирской земли и затронули княжеских приближённых – посадников, тиунов, мечников: «и много зла створиса въ волости его . посадниковъ и тивуновъ дома пограбиша . а самѣхъ и дѣскиѣ его и мечники избиша . а дома ихъ пограбиша . не вѣдуще глаголемаго . идеже законъ ту и вбидъ много . грабители же и ись сель приходаче граблаху . тако же и Володимѣри . оли же поча ходити Микулица со стѣю Бѣю . в ризахъ по городу . тождь почаша не грабити» [21, стб. 590]. В пятницу, 4 июля, из Владимира забирать тело князя отправляются игумен Феодул и некий священник Лука. Покойного князя встречают «со чѣстью . съ плачемъ великимъ» у Серебрянных ворот Владимира. Андрей Юрьевич был захоронен в возведённом им Успенском соборе [21, стб. 593–595]. После преодоления разногласий среди бояр Владимиро-Суздальской земли и временного преодоления усобиц князей-Рюриковичей, на владимирское княжение был призван племянник Андрея Боголюбского Ярополк Ростиславич.

События, происходившие с 29 июня по 4 июля 1174 г. – беспорядки, сопровождающиеся грабежами княжеского двора и дворов княжеских приближённых, а также убийствами княжеской дружины – не имели под собой ни малейшего оправдания со стороны летописца. В отличие от событий в Киеве 1113 г., где погромы были призваны побудить Владимира Мономаха занять киевский стол, события во Владимиро-Суздальской земле характеризуются как время, когда «власти нет». При этом торжественная встреча тела князя и его похороны не указывают на проявления общественного недовольства. Наоборот, население Владимира выказывает скорбь («плач великий») по убиенному князю. Показательно, что ещё несколько дней назад, по всей видимости, те же люди грабили имущество владимирского князя и убивали его людей. Можно согласиться с выводами М. А. Бойцова, что население, осуществляющее грабежи и насилие, считало себя в праве так поступать [3, с. 310]. Остановить беспорядки во Владимире удалось священнику Микулице, который с иконой в руках призвал погромщиков прекратить грабежи [21, стб. 592], в то время, когда оставшаяся княжеская администрация оказалась совершенно неспособной к установлению порядка. Расхищение имущества Андрея Боголюбского стало примером стихийного погрома, когда отсутствие верховной власти стирает общественные рамки и привычные законы.

Подводя итог рассмотренным случаям сполитования, важно отметить, что мотивы разграблений имущества князей и их приближённых были разными и зависели от конкретных обстоятельств. В

одном случае, сполирования осуществляются в «промежуточное время», когда после смерти правителя в городе отсутствовал представитель княжеского рода. В этом случае разграбление имущества князя становится возможным в силу исчезновения, пусть и временного, института княжеской власти как таковой – что приводит к нарушению общественного порядка и распаду социума, когда привычные нормы поведения обесцениваются.

Следы, возможно ещё архаических правовых представлений, где отсутствие какой бы то ни было власти могло привести к анархии и всеобщей вражде, отразились в «Сказании о призвании варягов», помещённого в ПВЛ под 862 г.: «и не бѣ в нихъ пра вды . и вѣста родъ на родъ . и быша в нихъ усобицѣ . и воевати почаша сами на са и рѣша сами в себѣ . поищемъ собѣ княза . иже бы вождѣль нами . и судиль по праву . и идяша за море къ Варягомъ к Руси» [20, стб. 19].

В данном сообщении, которое в общем смысловом контексте можно объединить с летописной информацией 1113, 1157 и 1174 гг., универсальным мотивом является тема «недостачи» – отсутствия порядка и, как следствие, – социального конфликта [19, с. 155]. В этих случаях смерть князя, как основного элемента социальной и политической структуры, могла порождать периоды общественного кризиса, которые перерастали в погромы. Прежние связи между населением и правителем разрушались (в силу естественных причин), а будущие – ещё не успели установиться.

Преодолением социального кризиса и обретением общественного мира, согласно летописцу, стало установление власти князя Рюрика в 862 г. (при всей спорности даты вокняжения первого правителя Руси и его реального существования). По всей видимости, подобных рассуждений придерживался летописец (цы) при описании вокняжений Владимира Мономаха в 1113 г., Изяслава Давыдовича в 1157 г. и Ярополка Ростиславича в 1174 г.

Действия населения до установления власти нового князя могли носить своеобразные формы «политической игры», когда только после отказа князя-Рюриковича занять великокняжеский стол, горожане переходят к погромам. Грабежи прекращаются после договорённости с будущим правителем и его вокняжением. Наиболее отчётливо данные модели поведения нашли отражения в событиях 1113 г.

Помимо расхищений и погромов, которые происходят после смерти древнерусского правителя, многие случаи грабежей осуществлялись при живом князе и носят вполне легитимный характер. Это касается событий в Киеве 1068 и 1146 гг., Новгороде 1136 г., Друцке и Полоцке 1158 г. Как правило, городские погромы были следствием недовольства населением самим князем или его правлением. Во всех перечисленных выше случаях, решение о лишении князя стола принимается на городском собрании – вече. Поскольку древнерусское вече являлось альтернативным княжеской власти органом принятия решений – изгнание князя, разорение его имущества и имущества его приближённых носило с точки зрения погромщиков вполне законный характер. Кроме того, грабежи осуществляются при одобрении и даже содействии нового князя, успевшего занять княжеский стол после изгнания предыдущего правителя.

В 1068 г. разграбление княжеского двора Изяслава происходило после вокняжения в Киеве Всеслава Брячиславича. В 1146 г. погромы дворов дружинников Всеволода Ольговича начались после договорённости с правившим на тот момент в Киеве Игорем Ольговичем, а спустя две недели уже сполирование имущества Игоря и Всеволода Ольговичей осуществлялось при содействии вошедшего в Киев Изяслава Мстиславича. Разорение двора друцкого князя Глеба Ростиславича произошло после занятия Друцка Рогволодом Борисовичем.

Рассматривая данные случаи, можно предположить, что коллективные расправы требуют определённой легитимации со стороны княжеской власти, что позволяет говорить об аналогиях с ранне-средневековой формой наказания, известной как «поток и разграбление». Городское собрание после установления власти нового князя лишает прежнего правителя властного статуса, что влечёт применение к нему наказания в виде изгнания из города и расхищения его имущества.

При анализе древнерусских нарративных источников отдельные казусы, связанные с грабежом князя и княжеских приближённых, не подходят под эсхатологические представления о прекращении хода времени. Также не ко всем случаям ограбления умерших правителей в полной мере можно применить заключение о распаде политического сообщества и наступлении социального хаоса. В каждом отдельном летописном эпизоде у грабежей и погромов были свои мотивы, и, в этом случае, рассмотрение древнерусской истории сквозь призму «категорий», т. е. установленных форм поведения, вызванных особенностями «средневековой ментальности» не всегда оправдано.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бойцов М.А.* Ограбление мертвых государей как всеобщее увлечение // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. № 4. 2002. С. 137–201.
2. *Бойцов М.А.* «Вывихи времен» и сопротивление источников. Ответ А.Я. Гуревичу // Одиссей: Человек в истории, 2003. С. 241–250.
3. *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 550 с.
4. *Боровков Д.А.* Павийское восстание 1024 года в контексте феномена Spoliatio // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. № 9 (89). 2012. С. 34–49.
5. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М.: «Территория будущего», 2005. 800 с.
6. *Гвозденко К.С.* Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1. С. 17–35.
7. *Гуревич А.Я.* «Время вывихнулось»: поругание умершего правителя // Одиссей: Человек в истории, 2003. С. 221–241.
8. *Гуревич А.Я.* Избранные труды. История и сага. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 368 с.
9. *Ковалёв А.* Убийство Андрея Боголюбского и его освещение в памятниках летописания // Электронный научный журнал SCRIPTORIUM: история древнего мира и средних веков. Выпуск 6., 2010.
10. *Комендова Й.* Необычные природные явления в древнерусской и чешской историографии XII–XIII вв. в сравнительной перспективе // Slověne. 2022. Vol. 11, № 2. С. 7–27.
11. *Котляр Н.Ф.* Киевское восстание 1113 г. // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М.: Ладомир, 2014. С. 381–382.
12. *Лавренченко М.Л.* «Ты наш князь»: соглашение между городом и князем в Киевской летописи // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 1 (60). С. 102–112.
13. *Лаушкин А.В.* Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское средневековье. Вып. 1. Книжная культура. М., 1998. С. 26–58.
14. *Лукин П.В.* Вечевые расправы в домонгольской Руси // Восточная Европа в древности и средневековье XIX. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 2007. С. 141–148.
15. *Лукин П.В.* Древнерусский «поток и разграбление» в свете германских параллелей // Одиссей: Человек в истории, 2008. С. 196–210.
16. *Лукин П.В.* Вече: социальный состав // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 33–147.
17. *Лукин П.В.* Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. 608 с.
18. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 576 с.
19. *Петрухин В.Я.* Русь в IX – X веках. От призвания варягов до выбора веры. М.: Форум; Неолит, 2013. 464 с.
20. Полное собрание русских летописей: Т. I. Лаврентьевская летопись. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1926–1928. 379 с.
21. Полное собрание русских летописей: Т. II. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. 638 с.
22. Правда Русская / Под ред. Б.Д. Грекова. Т.1.: Тексты. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 505 с.
23. *Ричка В.М.* Вся королівська рать (Влада Київської Русі). Київ: Ін-т історії України НАН України, 2009. 180 с.
24. *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб. Типография М.М. Стасюлевича, 1903. 674 с.
25. *Тихомиров М.Н.* Крестьяне и городские собрания на Руси XI–XIII вв. М.: Политиздат, 1955. 278 с.
26. *Флоря Б.Н.* Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье: Сборник. М.: ЦНЦ ПЭ, 2007. 436 с.
27. *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст. 1995. 701 с.
28. *Фроянов И.Я.* Начала русской истории. М.: Парад, 2001. 975 с.
29. *Фроянов И.Я.* Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2012. 315 с.
30. *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М.: Языки славянской культуры, 2003. 511 с.
31. *Elze R.* Sic transit gloria mundi. Zum Tode des Papstes im Mittelalter // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. Bd. 34. 1978. S. 1–18.
32. *Paravicini Bagliani A.* Il Coro del Papa. Torinoю Einaudi. 1994. 394 s.
33. *Poppe A.* Potok i grabież // Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław etc., 1970. T. IV S. 251–252.

Кежа Юрий Николаевич, кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России
Белорусский государственный университет
220030, Беларусь, г. Минск, просп. Независимости, 4
E-mail: yurykezha86@gmail.com

Yu.N. Kezha

SPOLIATION OF THE PROPERTY OF RULERS IN PRE-MONGOLIAN RUS'

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-568-580

The article deals with cases of ruin of courts and property of Old Russian princes, as well as their entourage in the period of the 11th-12th centuries. The reasons and circumstances of the rulers' spoliation are analyzed. The motives of plundering were different and depended on specific circumstances. In one case, robberies are carried out in the "intermediate time", when, after the death of the prince, there was no representative of the princely family in the city. The plundering of the courts of the elites becomes possible due to the disappearance, albeit temporary, of the institution of princely power - which leads to a violation of public order and the collapse of society, when the usual norms of behavior are depreciated. In the second case, spoliation is carried out under the new ruler who has taken the princely throne. Collective massacres require a certain legitimation on the part of the princely power, which allows us to speak of analogies with the early medieval form of punishment known as "flood and plunder".

Keywords: pre-Mongolian Rus', princely power, princes-Rurikids, death of a ruler, city meetings, plundering of property.

REFERENCES

1. *Boicov M.A.* Ograblenie mertvyh gosudarei kak vseobschee uvlechenie [Robbery of dead sovereigns as a general craze]. *Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii* [Case. Individual and unique in history]. №4. 2002, pp. 137–201. (In Russian).
2. *Boicov M.A.* «Vyvihi vremen» i soprotivlenie istochnikov. Otvet A.Ya. Gurevichu ["Dislocations of times" and resistance of sources. Answer A.Ya. Gurevich]. *Odisei: Chelovek v istorii* [Odysseus: The Man in History]. 2003, pp. 241–250. (In Russian).
3. *Boicov M.A.* Velichie i smirenie. Ocherki politicheskogo simvolizma v srednevekovoi Evrope [Greatness and humility. Essays on Political Symbolism in Medieval Europe]. Moscow, Russian political encyclopedia, 2009, 550 p. (In Russian).
4. *Borovkov D.A.* Paviiskoe vosstanie 1024 goda v kontekste fenomena Spoliatio [The Pavia uprising of 1024 in the context of the Spoliatio phenomenon]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies]. №9 (89). 2012, pp. 34–49. (In Russian).
5. *Vladimirskii-Budanov M.F.* Obzor istorii russkogo prava [Overview of the history of Russian law]. Moscow, «Territory of the Future», 2005, 800 p. (In Russian).
6. *Gvozdenko K.S.* Ceremoniya knyazheskoj intronizacii na Rusi v domongol'skij period [The ceremony of princely enthronement in Rus' in the pre-Mongolian period]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus'. Questions of medieval studies]. №1, 2009, pp. 17–35. (In Russian).
7. *Gurevich A.Ya.* «Vremya vyvihnulos»: poruganie umershego pravatelya [«Time is out of whack»: desecration of the deceased ruler]. *Odisei: Chelovek v istorii* [Odysseus: The Man in History]. 2003, pp. 221–241. (In Russian).
8. *Gurevich A.Ya.* Izbrannye trudy. Istoriya i saga [Selected works. History and saga]. Moscow; Saint Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives, 2020, 368 p. (In Russian).
9. *Kovalyov A.* Ubijstvo Andreya Bogolyubskogo i ego osveshchenie v pamyatnikah letopisaniya [The murder of Andrei Bogolyubsky and its coverage in the monuments of chronicle writing]. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal SCRIPTORIUM: istoriya drevnego mira i srednih vekov* [Electronic scientific journal SCRIPTORIUM: history of the ancient world and the Middle Ages]. Release 6. 2010. (In Russian).
10. *Komendova J.* Neobychnye prirodnye yavleniya v drevnerusskoj i cheshskoj istoriografii XII–XIII vv. v sravnitel'noj perspektive [Unusual natural phenomena in ancient Russian and Czech historiography of the XIIth–XIIIth centuries. in comparative perspective]. *Slověne*. Vol. 11, № 2. 2022, pp. 7–27. (In Russian).
11. *Kotlyar N.F.* Kievskoe vosstanie 1113 g. [Kiev uprising of 1113]. *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire*. Enciklopediya [Ancient Rus' in the medieval world. Encyclopedia]. Moscow, «Ladomir», 2014, pp. 381–382. (In Russian).
12. *Lavrenchenko M.L.* «Ты наш князь»: soglashenie mezhdou gorodom i knyazem v Kievskoj letopisi [«Ты наш князь»: agreement between the city and the prince in the Kievan Chronicle]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Perm University. Story]. №1 (60), 2023, pp. 102–112. (In Russian).

13. *Laushkin A.V.* Stihijnye bedstviya i prirodnye znameniya v predstavleniyah drevnerusskikh letopiscev XI–XIII vv. [Natural disasters and signs of nature in the views of ancient Russian chroniclers of the 11th–13th centuries]. Russkoe srednevekov'e. Vyp.1. Knizhnaya kul'tura [Russian Middle Ages. Issue 1. Book culture]. Moscow, 1998, pp. 26–58. (In Russian).
14. *Lukin P.V.* Vechevye raspravy v domongol'skoj Rusi [Veche massacres in pre-Mongolian Rus']. Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e HИH Chteniya pamyati chlena- korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages XIX Readings in Memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Vladimir Terentyevich Pashuto]. Moscow, 2007. pp. 141–148. (In Russian).
15. *Lukin P.V.* Drevnerusskij «поток и разграбление» v svete germanskikh parallelej [Old Russian «поток и разграбление» in the light of Germanic parallels]. Odissei: Chelovek v istorii [Odysseus: The Man in History]. 2008, pp. 196–210. (In Russian).
16. *Lukin P.V.* Veche: social'nyj sostav [Veche: social composition]. Drevnyaya Rus': ocherki politicheskogo i social'nogo stroya [Ancient Rus': essays on the political and social system]. Moscow, 2008. pp. 33–147. (In Russian).
17. *Lukin P.V.* Novgorodskoe veche [Novgorod Veche]. Moscow, «Indrik», 2014, 608 p. (In Russian).
18. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950, 576 p. (In Russian).
19. *Petruhin V.Ya.* Rus' v IX – X vekah. Ot prizvaniya varyagov do vybora very [Rus' in the IX-X centuries. From the calling of the Varangians to the choice of faith]. Moscow, «Forum»; «Neolit», 2013, 464 p. (In Russian).
20. Polnoe sobranie russkikh letopisej: T. I. Lavrent'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles: T. I. Laurentian Chronicle]. Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1926–1928, 379 p. (In Russian).
21. Polnoe sobranie russkikh letopisej: T. II. Ipat'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles: T. II. Ipatiev Chronicle]. Saint Petersburg, Printing house M.A. Aleksandrova, 1908, 638 p. (In Russian).
22. Pravda Russkaya. Pod red. B.D. Grekova. T.1.: Teksty [Pravda Russian. Ed. B.D. Grekov. T.1.: Texts]. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1940, 505 p. (In Russian).
23. *Richka V.M.* Vsya korolivs'ka rat' (Vlada Kiivs'koi Rusi) [The entire royal army (Government of Kyivan Rus)]. Kyiv, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine, 2009, 180 p. (In Russian).
24. *Sergeevich V.I.* Lekcii i issledovaniya po drevnej istorii russkogo prava [Lectures and research on the ancient history of Russian law]. Saint Petersburg, Printing house M.M. Stasyulevich, 1903, 674 p. (In Russian).
25. *Tihomirov M.N.* Krest'yane i gorodskie sobraniya na Rusi XI–XIII vv. [Peasants and city assemblies in Rus' in the XIth–XIIIth centuries]. Moscow, Politizdat, 1955, 278 p. (In Russian).
26. *Florya B.N.* Issledovaniya po istorii cerkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov'e: Sbornik [Studies in Church History. Old Russian and Slavic Middle Ages: Collection]. Moscow, 2007, 436 p. (In Russian).
27. *Froyanov I.Ya.* Drevnyaya Rus'. Opyt issledovaniya istorii social'noj i politicheskoy bor'by [Ancient Rus'. Experience in the study of the history of social and political struggle]. Moscow, St. Petersburg, «Zlatoust», 1995, 701 p. (In Russian).
28. *Froyanov I.Ya.* Nachala russkoj istorii [Beginnings of Russian history]. Moscow, «Parade», 2001, 975 p. (In Russian).
29. *Froyanov I.Ya.* Drevnyaya Rus' IX–XIII vekov. Narodnye dvizheniya. Knyazheskaya i vehevaya vlast' [Ancient Rus' of the IXth–XIIIth centuries. Popular movements. Princely and veche power]. Moscow: «Russian Publishing Center», 2012, 315 p. (In Russian).
30. *Yanin V.L.* Novgorodskie posadniki [Novgorod posadniks]. Moscow, «Languages of Slavic Culture», 2003, 511 p.
31. *Elze R.* Sic transit gloria mundi. Zum Tode des Papstes im Mittelalter // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. Bd. 34. 1978. S. 1–18.
32. *Paravicini Bagliani A.* Il Coro del Papa. Torinoю Einaudi. 1994. 394 s.
33. *Poppe A.* Potok i grabież // Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław etc., 1970. T. IV S. 251–252.

Received 19.09.2023

Kezha Yu.N., Candidate of History, doctoral student of the Department of History of Russia
Belarusian State University
Prosp. Nezavisimosti, 4, Minsk, Belarus, 220030
E-mail: yurykezha86@gmail.com